

225

Сов. Рокенд. - 1989

- 13 сент. - с. 2, 4

Я научу вас мечтать

Эти слова произносит геройня фильма Марка Донского «Сельская учительница» — Варвара Васильевна, сыгранная прекрасной актрисой Верой Марецкой. Фильм этот давно стал нашей киноклассикой, как и многие другие картины выдающегося советского кинорежиссера. И не только в нашей стране. Фильмография Марка Донского, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР, включа-

ет около трех десятков художественных лент, многие из которых были отмечены наградами и призами.

Полной и подробной автобиографии Марк Донской так и не написал. Правда, сохранились его заметки, записи, высказывания. Они рассыпаны по многим архивам и еще совершенно не изучены, не систематизированы с должной необходимостью. К сожалению, даже не сохранилась как мемориальный музей и его квартира, в которой береж-

но собирался его женой и другом, киносценаристом И. Б. Донской личный архив кинорежиссера. Сам же Донской не придавал особого значения своей персоне, считая, что главное — это фильмы: ведь режиссер, умирая в актерах, ими же и возрождается к новой и долгой жизни. Это — так. Но все же мы взяли на себя смелость собрать сказанное им, чтобы представить читателям подлинную его автобиографию.

(См. 4-ю страницу).

мастера революционной культуры

Писать о Марке Донском как о выдающемся мастере нашего кинематографа необыкновенно трудно. Одно дело — его фильмы, многие из них вошли в золотой фонд не только отечественной, но и мировой классики. А вот в жизни Донской сам успешно разрушал легенды о своем кинематографическом величии: легкий на подъем, необычайно общительный, склонный к шутке, необходим розыгрышам, порой по-детски экспансивный, даже ребячливый, он зарекомендовал себя как человека, к которому можно относиться с доверием, а не с предостережением. Он был человеком, к которому можно было относиться с доверием, а не с предостережением. Он был человеком, к которому можно было относиться с доверием, а не с предостережением.

не беззаботно. Действительно, после выхода на экраны кинотрилогии «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты» он (в сорок лет!) стал живым классиком советского революционного кино, с появлением картин «Радуга», «Непокоренные» его имя обрело новую популярность. Затем — снова горьковские фильмы: «Мать», «Фомин Горюнов», ленинская трилогия «Сердце матери», «Верность матери», «Навстречу». Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда... Поистине всенародная известность! Кого-то это раздражало, кому-то казалось, что все это — не по заслугам, иные обидно злословили в его адрес... Всякое бывало. Меценатства и в кинематогр. предостаточно. Казалось, на обидчиков он и не обращал внимания. Отмахивался от них как от чего-то малосущественного в жизни. И даже словечко такое изобрел — по поводу такого ме-

цанина, обывателя (и не только в кинематографе), словечко, в котором были и добродушие сильного человека, и ирония, и колкая насмешка, и некое обобщение: «Коздалевский!». Он сам жил жизнью страны, идеями великой родины Октября, духом святого для него интернационализма и потому в коздалевских персонажах все, что мешало и мешало движению нашей жизни вперед и что не имеет будущего! Он был и предельно самокритичен, а потому, когда что-то у него не получалось или в чем-то (в ком-то) он ошибался, Донской и себя не щадили, вымещая в себе режиссера «коздалевщины». Да, почтительности у него к себе как классики кино не было.

Но важно, что классиком его считали другие. Миллионы зрителей — у нас в стране и за рубежом. Коллеги по искусству. В том числе — многие выдающиеся мастера кино.

Марк ДОНСКОЙ

я научу вас мечтать

Жизнь открыла философию правды...

— Самое великое чувство первооткрывательства у нас связано с тем, что все мы, советские люди, живем в великой стране Октября. Революция нам дала все. И отныне одно — жить вполнакала, обманывать себя равнодушным, которое прежде всего сказывается на личности самого человека, так и не приблизившегося к первооткрывательству себя самого, своих способностей, своего таланта. Социализм по своей природе связан с творчеством людей. Помните: «От каждого — по его способностям...» А кто сказал, что способности у кого-то маленькие, что их нельзя развивать, доводить в любом избранном деле до возможного совершенства? Тут перспективы и человека, и общества поистине безграничны. Только надо понимать это и делать все, чтобы стать вровень со временем, которое рождено революцией. Наше общество — сумма судеб человеческих, их миллионы и миллионы. И как же важно для всех нас, чтобы каждая судьба была счастливой!

У меня сохранилась одна старая фотография 30-х годов. На ней запечатлено несколько человек. Я позволю себе просто перечислить их без всяких комментариев — как в Грузии, например, наиболее выдающихся людей прошлого зовут просто по имени, подразумевая, что все соотечественники прекрасно знают, что это имя обесмертило. Так вот, на фотографии, которая сейчас передо мной, — Всеволод Пудовкин, Сергей Эйзенштейн, Эдуард Тисс, Александр Довженко, Михаил Чапури, Юрий Райман, Георгий Васильев, Сергей Юткевич, Амо Бек-Назаров, Михаил Ромм, Ефим Дзиган... В группе на фотографии нашлось место и для меня, но об этом я упоминаю лишь затем, чтобы оттолкнуться от почти метафорического группового портрета, сказавшего о людях, с которыми я имел счастье встречаться, беседовать, спорить и у которых я имел счастье учиться...

Советский кинематограф создавал людей в основном молодых, и я думаю, что по возрасту я вполне мог оказаться в их числе еще в том самом 1919 году, когда Владимир Ильич Ленин подписал Декрет о национализации кинематографа. Но я был отвлечен от кино другими работами: учился на юридическом факультете Таврического университета в Симферополе, работал в крымском подполье, несколько месяцев провел в белогвардейской тюрьме...

О крымском подполье мало написано, ничего не сказано и кинематографисты. Условия работы в подполье были особенно трудными. Враг укрылся за гигантским, хорошо укрепленным валом Перекопа. В Крыму оказались самые ярые враги революции. На каждого подпольщика приходилось жандармерия, контрразведка больше, чем где-либо. Шла опасная и кровавая борьба. В этой борьбе у нас было несколько провалов. В один из них я был арестован. Контрразведка помещала в здание симферопольской гостиницы. Меня привели к вежливому полковнику. Он ровным, почти скучающим тоном предложил мне рассказать о моей деятельности, о моих товарищах. Оставшихся недолго моим ответом, он сказал, что, очевидно, ему придется получить сведения иным путем. Емельянов схватил меня за грудь и бросил на стоящую в углу железную кровать без матраца. Подскочил офицер и начал бить помпозно. Я закрыл лицо руками. Стонал, стараясь не кричать. Очнувшись в крайней по коридору комнате. На стене заметил зеркало. С трудом добрался до него и не узнал себя...

Восвел офицер контрразведки, который допрашивал меня. Он долго смотрел: «Ну и как?» Я не мог раскрыть рта. Экзекуция продолжалась около двух недель. День, когда меня отпустили в тюрьму, я считал днем своего спасения. Я не мог лежать на спине... Меня обступили заключенные. Я с огромным трудом повернул голову и сказал: «Я не плакал, я не кричал, я только стоял на ногах...» Эти слова запомнились мне на всю жизнь, они выразили все, о чем я тогда думал, чем жил — мое романтическое крело, которое было рождено не книжной фантазией, а самой революционной войной, рождено людьми, которые окружали меня. Время пребывания в тюрьме мною учито. И, главное, учила людей. Среди товарищей моих были люди разных национальностей и классовой принадлежности.

Был Воронцов — офицер царской гвардии, дворянского происхождения. Он стал на сторону народа, на сторону большевиков, в бою попал в плен. Его сразу же пожелал лично допросить генерал Славов. Потом Воронцова затребовал сам Врангель, бывший его однопольчанин. Врангель презрительно бросил: «Паршивая овна все стадо портит». Воронцов очень сдержанно ответил: «Я прекрасно знаю, что настоящая паршивая овна». Военно-полевой суд приговорил его к смерти через повешение. Мы всей камерой ждали возвращения Воронцова, выглядывая из-за решеток. Он появился во дворе, заметил нас и выразительно провел ребром ладони по шее. Его отвели в одиночку смертников.

Через надежных людей мы отправили Воронцову записку, в которой написали, что восторгаемся его поведением. Он ответил: «Дорогие товарищи! Благодаря вам за поддержку. Я постараюсь так же красиво умереть, как красиво жил. С коммунистическим приветом! Алексей». Красиво жить, красиво умереть. Романтика? Нет, величие духа революционера.

Новый в Симферополе вопли части красных партизан. Воронцов стал первым комендантом города.

Для нас настало новое время, когда революция потребовала — учиться.

Сначала я хотел стать психиатром, чтобы познать сложность и противоречивость человеческой природы. Но стал юристом. Пять воя и пенитенциасарина на неделю только прибавляли неистовства и энтузиазма. Мы учились, не помнящая от отдыха, о чем-либо постороннем. Вдоволь событий бросил меня к прекрасным, неподкупным людям — судебным работникам. Одновременно, участвуя, я работал в Верховном трибунале Крыма, был следователем и членом коллегии. В те дни в театре шла моя пьеса «Заря свободы», написана я и книжку рассказов «Заключенные» — о товарищах, о людях, которые учили меня жить. По совету друзей вскоре отправился я в Москву, чтобы осуществить постановку своего сценария «Последний оплот». Этот

Марк Донской с сценарийским кинорежиссером и писателем Семёном Усманом.

фильм должен был ставить Всеволод Эмильевич Мейерхольд...

...Оглядывая пройденный путь, я прихожу к выводу, что сознание мое, искусство мое формировалось не только героическими событиями, но и, пожалуй, главным образом удивительными, героическими людьми, революционерами. Сейчас события революции обрели хрестоматийную ясность. Тогда развитие революции воспринималось иначе. И это естественно. Наше сознание формировалось, получало закалку в огне борьбы, оно выкристаллизовывалось в страданиях и испытаниях. И я прежде всего думаю о людях, открывших для меня философию ленинскую, Правды, о боях, в сердцах которых пылал огонь революционности, о художниках, принявших Октябрь как ратный его призыв...

...Мейерхольд фильма по моему сценарию не поставил. Такое часто случается в кино. Но то, что к моей первой работе отнеслись с таким вниманием, сразу открыло для меня и в какой-то степени определило всю мою дальнейшую жизнь.

...Горький — истину человеколюбия

— Для меня идеалом первооткрывательства и учительства был и навсегда останется Алексей Максимович Горький. В его произведениях я искал ответы на мучившие меня вопросы. Горький стал для меня моим духовным университетом, в котором я учусь и по сей день. Хотите проверить меня? Пожалуйста! Сейчас я вот работаю над фильмом о Шалинине, а перечитываю (в какой раз!) «Жизнь Клима Самгина». Великая книга Горького — такую еще рядом с ней можно поставить, а? Перечитайте ее. Конечно, это труд, но и наслаждение. Тут многое надо знать: и философия нашего века, и психологию, и психоанализ, и нынешнюю жизнь. Да, да! Я вот сейчас, пытаюсь разобраться в сложных противоречиях сегодняшних семидесятилетних голов, обращаюсь к горьковскому «Самгину» — и удивляюсь: как он смог предугадать и знать столь совершенно всех нынешних Коздалевских, а?

Вообще, чаще проверяйте людей на отношение их к Горькому: он — антимещанский писатель, его терпеть не могут мещане, обыватели разных рангов, он обижает даже их затеянную суть, учит читателей распознавать ее. Даже за внешне-респектабельными, благопристойными и вполне «современными» обидчиками. Он видел социальную опасность и поразительную живучесть самгинщины. Вот почему в финале романа он выводит его на Финляндский вокзал в толпу, которая слушает выступление только что приехавшего в Петроград Ленина: луч прожектора случайно скользнул по лицу Самгина, и он словно растворился в темноте массы. О, это многое стоит!

Если хватит сил, буду после «Шалинина» ставить «Клима Самгина». Именно сейчас нужен такой фильм. У Горького было несколько замыслов, которые прошли через всю его жизнь, созревавшие в течение многих лет. Так и у меня. Я все время возвращаюсь и возвращаюсь к Горькому. И снимаю картины по его произведениям. ...После относительного успеха моих первых фильмов («Чужой берег» ортодоксальные критики ругали, «Песню о счастье» — в общем-то похваливали) я решил испытать себя постановкой кинотрилогии о детстве, отрочестве и юности Алексея Максимовича Горького. Я горел желанием доказать свое право на это. Но противоположным стремлением были охвачены мои оппоненты. Еще задолго до начала работы над фильмом «Детство Горького» появились две статьи, авторы которых дружно утверждали, что

успех моих предыдущих картин случаен. Коздалевские, как видите, и тогда не дремали: Горький их раздражал. В ход было пущено все. Даже то, что я не бросал занятия спортом: режиссерская работа в кино — штука серьезная, требующая крепких физических сил и здоровья. Так вот, они писали: мол, «Детство» покажет всем, и мне в том числе, что я не то футболист, не то юрист, не то боксер, не то музыкант, не то стрелок, но... режиссер ли? Люди, которые верили в меня, советники не огорчались, напоминая, что интеллигентный человек, творческая личность должна знать немного обо всем и все о немногом. Я видел их советам — спорил и теоретически, параллельно с работой над горьковскими текстами, раздумывая, как точнее найти кинематографический эквивалент художественному слову. Мне нужна была «музыкальная» глубина и смелость карлика. Потом теоретика кино скажут о «возможностях рубинового кадра» в моих картинах, о «эстетической алхимии». Но это потом... А тогда я с огромным воодушевлением, преодолев смущение, обратился к Алексею Максимовичу, поделился своим замыслом. На всю жизнь запомнил ответ Горького: «Нехорошо воздвигать человеку памятник при жизни!»

И все-таки свою мечту поставить фильм о Горьком я не оставил и в дальнейшем сумел добиться ее осуществления. Но Горького мы потеряли раньше — он умер в июне 1936 года, а фильм о нем — «Детство» вышел в 1938 году. В творчестве Алексея Максимовича Горького меня всегда влекла и волновала трагическая тема загубленных, перекривленных талантов «людей из народа». Бабушка Горького! Она была прекрасной русской женщиной с поэтической душой. Ей во многом обязано человечество тем, что сирота, обездоленный мальчик зажегся любовью к искусству и впоследствии стал гениальным художником слова.

Для меня было большим счастьем работать с изумительно талантливым русской артисткой Варварой Массалиной, которая так сыграла — впрочем, не сыграла, а так прожила на экране жизнь Акулины Ивановны, что сейчас уже невозможно представить себе другой бабушку Горького. А Шалинов с его золотыми руками, которые привнес в ему славу в наши дни? Этот образ создан талантливым артистом Даниилом Савалом. И дед Горького, человек интересный, хоть и искроверканный жалкой наживкой, воплощен в исполнении М. Гроинского.

В фильме «Детство», например, я ввел эпизод из рассказа Горького «Стрости-мордасти». Герой его — маленький калека, обреченный жить и умереть в затхлом подвале, мечтает о «чистом поле», о том, чего он никогда не видел, о чем знает только из сказок и что представляется ему прекрасным. Он просит достать тележку и вывезти его в «чистое поле». В рассказе мечта мальчика не сбывается. Но мне очень хотелось, чтобы она реализовалась. Ведь сбывалось многое, о чем мы мечтали в первые годы Советской власти: вся атмосфера страны была насыщена оптимизмом. И я решил: в фильме Алеша Пешков и его друзья вывезут мальчика в поле — на широкий простор. Имел ли право режиссер фильма так поступать?

По этому поводу Александр Фадеев после просмотра фильма сказал: «Донской реализовал мечту не только больного мальчика, но и самого Горького». Мне очень дорог эпизод фильма «В людях», где показана юная писательница, в которой работал Алеша Пешков. Горький рассказывал о том, как иконописцы (представители самого консервативного искусства) стремились к новым формам в своем творчестве. Уже в советские годы Горький узнал, что иконописцы из села Палеха начали создавать замечательные миниатю-

ры, расписывать икатулки, иллюстрировать народные сказки. Он стал им помогать. Среди выходящих из села Палеха особое его внимание привлекал художник. Благодаря помощи Горького мы все теперь знаем его имя — Павел Дмитриевич Корин, народный художник СССР. ...Для меня Горький стал путеводной звездой, моим первым и самым верным учителем, которому я не изменяю, несмотря на многие модажные поверья. Они проходят, а Горький остается. Разве не современны эти его слова: «Любить людей — это и курьезно умеет. А вот уметь воспитывать их — это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни».

Думаю об этом, я ощущаю всю меру ответственности, которая лежит на нас, деятелях киноискусства... В горьковской прозе запечатлена могучая духовная сила.

...В трудные для нашей страны военные годы я сделал картины «Радуга», «Как закалялась сталь», «Непокоренные».

Вместе с польской писательницей Вандой Василевской мы поехали на фронт, чтобы показать картину бойцам. В те годы был издан специальный приказ: всем частям и подразделениям смотреть фильм «Радуга». И от бойцов и командиров мы не раз слышали, что картина учила нас ненависти к врагу, посягнувшему на нашу землю. И это было высшей оценкой нашего труда, нашим вкладом в борьбу с фашизмом.

...Как мы делали «Радугу»? Это рассказать невозможно... Разве передать чувство актрисы Елены Тяпкиной, когда сжимали ее героиню Федосью, рыдающую над телом сына? Ведь незадолго до этого актриса сама получила похоронку на своего сына. И когда артист Дунайский, играющий деда Охобку, встретился с экранным предтелой — старостой и говорил во время суда над ним, что это был не просто актер, не! У него самого пугающе учились всю семью в Германии. Снимая этот фильм, мы думали о судьбе Родины, о судьбе наших детей, об их завтрашнем дне. Ибо, как говорил Горький, земля принадлежит детям, наследники детям...

...Я получил много писем после «Радуги» — от солдат, от простых зрителей. А однажды даже пришла телеграмма от президента США. Вот она:

«В воскресенье в Белом доме смотрели присланный из России фильм «Радуга». Я пригласил профессора Чарльза Боуэна переводить нам, но мы поняли картину и без перевода. Она будет показана американскому народу в подобающей ей величии... Франклин Рузвельт».

Эта телеграмма напоминает о содружестве народов в борьбе против фашизма. Я думаю об этом и сегодня, когда вновь так тревожно в мире. И о нашем, кинематографистов, долге — сделать все, чтобы предотвратить новую войну.

...Искусство — веру в бессмертие

— Мечта — это свойство народа, во всяком случае нашего, советского народа. Не маниловская мечтательность, а именно мечта, действительная, дерзновенная, дающая человеку силы раскрывать свою жизнь по всенародной мечте. Герберт Уэллс назвал Ленина «кремлевским мечтателем», поскольку разговор их происходил в голодной, разоренной войной и послевоенной разрухой Москве. Да, Ленин был мечтателем, но реальным, революционным. Потому и сказал тогда знаменитому английскому писателю-фантасту: а вы приезжайте-ка в Россию через несколько лет...

Или вот в Хиромии я видел девочку, которая собирала бумажных журавликов, чтобы на земле был мир, чтобы никогда не повторилась трагедия японского народа. Мечта? Да, но тоже реальная. Потому и в моем доме есть стена с гиридами белых журавликов, чтобы каждый своим днем я мог отчитаться: что сегодня сделал во имя мира?

...Слышу иногда от молодых: «старуха», «предки»... Меня это корбист: ведь говорят-то о матери, о родителях. Откуда такой цинизм? Мечтаю восславить вновь святое понятие материнства. Конечно, и это — о Горьком. Он писал: «Восславим женщину-мать, чья любовь не знает преград. Люди... — это всегда дети своих матерей... Без Матери нет ни поэта, ни героя!»

Снимал я фильм «Мать» по Горькому Маренко, потом ленинские картины «Сердце матери» и «Верность матери» — о Марии Александровне Ульяновой, а повсюду думал и о своей маме. Великое слово — мать! Самый бескорыстный, самый преданный друг, умеющий радоваться нашим радостям и печалиться нашими горестями. Часто слишком поздно оцениваем его.

Моя мать была простой работницей табачной фабрики. Грамоте выучилась только после Октябрьской революции. Но все в мире ее интересовало буквально по последним дням. Моя мать была очень одаренным человеком. А жизнь была нелегкая — нас у нее было семь человек. Отец — печник, конечно, не мог достаточно зарабатывать, и жили мы беднотой. Но в доме всегда было тепло. Мать наша прекрасно понимала, что такое образование, и отказывала себе во всем самом необходимом, мечтала, чтобы мы, дети, могли учиться. Мечта матери — она всегда в детях.

Я мечтаю о том, чтобы мы не стеснялись в нашей нежности и заботе по отношению к своим матерям. Воздавали им должное еще при их жизни. Брали пример с Ленина, который всегда нежно относился к матери, называя ее мамочкой. Поэтому я и снимал фильмы «Сердце матери» и «Верность матери» с мечтой о сыновней нашей верности и сердечности. Еще при жизни матерей. Убежден: без высокой нравственности, без святого отношения к матери, к детям наше общество нормально жить и развиваться не может.

Романтик для меня — это борец за справедливость. Так я понимаю наш советский революционный романтизм. В нем именно реальность наших дней, сложных, противоречивых, нашей неустанной борьбы, нашего пути к достижениям. Это и есть почва, на которой мечты превращаются в реальность. Жить — это значит работать для счастья других, каждым днем своим укреплять красоту и силу нашей Родины...

Есть и в моей жизни моменты, которые не хотелось воскресать... Может быть, когда-нибудь расскажу во всех подробностях о трудных 50-х годах, о фильме «Закон Большой земли» («Аллит уходит в горы»). Я снял картину о ленинской национальной политике, она прошла с триум-

фом на многих общественных просмотрах, но неожиданно ее заперли. Мне предложили переделать финал, убрать кадры, в которых звучало имя Ленина, эпизоды о том, как чужки восприняли горькую весть о болевании Ильича и радости спасти его. В парке жила поверья: если человек заболел, надо дать ему еще одно имя, заколдовать его, и тогда он останется жить. В фильме был такой эпизод, талантливо снятый оператором С. Урусовским. Дороже всего мне был финал, где трагическая весть о кончине вождя как великое народное горе разнеслась из края в край ожившей ледяной страны.

Мне рассказывали потом, что после одного просмотра в темном зале прозвучал глухой голос:

— Разве два солнца восходят на небе? Это был голос Бери...

Для меня картина погибла навсегда. И вот тогда я вновь вернулся к своим истокам — к Горькому. И решил ставить «Мать» — ведь это произведение так высоко ценил Ленин...

Из письма зарубежным оппонентам: ...Вы знаете, что в стране нашей мы оцениваем человека не по национальности, не по цвету кожи, а по способности, по труду. Вы знаете, что принцип «разделяй и властвуй», принцип антагонизма, которые были основными принципами царского режима, когда для каждого народа, населения России, были придуманы позорные клички (не исключая и русского народа), мы развеяли в прах. И основной принцип нашей жизни — братская дружба людей, человек человеку — друг, брат, товарищ, независимо от национальности.

Но вы приведете, конечно, какой-нибудь случай, которому постараетесь придать характер обобщения. Могу помочь вам. Вы, вероятно, читаете наши газеты? И в первую очередь вы интересуетесь не достижениями нашей. Вы ищите недостатки, прорекхи. Есть, есть они у нас, потому и пишем о них со всей откровенностью и болью. Есть и бюрократы, есть и расхитители, жулики, есть, да и грабители попадают. Мы знаем об этом и пишем об этом. Усилия наша направлены на то, чтобы искоренить то, что мешает нам. В этом вся суть.

...Советское искусство интернационально. Тысячи рек выливаются произведениями художников разных стран и народов в безграничный океан мировой культуры. Пусть же родники нашего творчества будут чистыми и светлыми!

Последнее выступление М. С. Донского. (Запись по фильму «Я научу вас мечтать»...).

12 марта 1981 г. (за 9 дней до смерти). Москва. Химки. Киноуниверситет, ныне носящий имя Донского. Он не изменил себе, оставался все тем же Марком Донским. Послушаем его завещание, проникнемся заветами художника...

— Я простудился позавчера и лежал... Потому что был без шапки (реплика Прины Донской).

— Ха! (Жест в сторону жены. Зал реагирует на эту шутливую эскапату аплодисментами). Дорогие товарищи! Когда встречаешься с такой аудиторией — это самое ценное лекарство! Ибо во имя чего мы живем в искусстве? В искусстве мы живем во имя того, чтобы прославлять прекрасное! И — самое драгоценное — прославлять Человека! (Аплодисменты). Профессионал, который не является художником — это самое опасное! А у нас, к сожалению, много профессионалов, но не художников... Есть великое, молодое, талантливые племя, которое в двадцать первый век войдет, красотой освещая жизнь Человека!... Когда кончилась война, я сразу приступил к новому фильму, не имеющему ничего общего с «Радугой» — жесточайшим фильмом! Я снял «Сельскую учительницу»! Я знаю, «сельскую» учительницу вы любите и уважаете этот фильм, правда? И Маренку! (Аплодисменты). Она сыграла роль от пятнадцатилетней девочки до старухи... Она говорила своим воспитанникам, многие из которых вернулись с фронта: «Ай, дети мои!». Она сыграла (ей уже было за сорок), сыграла пятнадцатилетнюю... Прекрасно! И когда она умрала... она говорила: «Я не умру, я не умру, я буду жить, долго буду жить, ибо будут жить мои картины». И верно, ее картины будут жить очень долго...

Ну что же, мои дорогие, я выдержал! Я сам удивляюсь, что не упал... меня все равно тянет вниз, но ваше молчание — оно так трогает, что придает силы!... Я только потом выдал за то, что мне не освещали людей (реплика в сторону клубной администрации)... Свет потухнул! А я хочу людей видеть, я хочу их глаза видеть! (Аплодисменты, свет в зале вновь зажегся). Это самое драгоценное, ибо интеллектуальный мир современного человека — советского — он на весь мир разослан. Вот что такое советский Человек! (Аплодисменты). Спасибо вам, низко кланяюсь! Спасибо, спасибо!...

Публикацию подготовили А. ДОНСКОЙ, П. МИШИН.

О Марке Донском

Станли КРАМЕР, кинорежиссер (США):

— Говорить о Марке Донском — это значит говорить о душе и сердце, о чувствах, связанных с советским кино. И о мировом кинематографе... Донской был глубоко убежден в том, что ответственность создателя фильма высока как небо... что нет ничего такого — ни идеи, ни сюжета, которые не могли бы быть воплощены в фильме. И такое вдохновение — оно в свою очередь вдохновляло многих людей вокруг него, много раз вдохновляло и меня самого.

Робер ОСЕЙН, кинорежиссер и актер (Франция):

— Донской — великий мастер кино: очень гуманный, очень щедрый, с огромным творческим воображением...

Сембен УСМАН, кинорежиссер, писатель (Сенегал):

— С его именем у меня связано очень многое в жизни. Пожалуй, больше всего в Донском поражает его сверхмодерной темперамент. Никогда никакой усталости. Энергичен и поднимает необыкновенно... Когда Донской ведет свои кинорассказы, он меньше всего думает о себе: он весь в своих героях, в их мыслях, страстях, взлетах и падениях. Эта полнота, безоглядная отдача искусству и делает его метром...